

ДМИТРИЙ ОКУЛОВСКИЙ

МИР

ПОД ПИКСЕЛЯМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Окуловский
Мир Под Пикселями

«Автор»

2026

Окуловский Д.

Мир Под Пикселями / Д. Окуловский — «Автор», 2026

Программист Артём думал, что Terraria — это просто игра. Пока однажды ночью его не выдернуло из-за компьютера прямиком в пиксельный мир. Без сохранений. Без загрузок. С разбитой губой и слизнем, который очень хочет его сожрать. Теперь ему предстоит выживать в мире, где всё по-настоящему: боль, голод, кровь и твари, которые приходят ночью. Он строит первый дом, сражается с зомби, плавит первый металл и постепенно понимает страшную правду — этот мир ломается. Метеориты падают не вовремя. Зараза ползёт быстрее. А на западе что-то очень большое начало просыпаться. У него нет чит-кодов. Есть только компьютерная мышь в кармане, упрямство и растущая компания таких же отморозков, как он сам. LitRPG. Жёсткое выживание. Крафт. Юмор. И мир, который не собирается прощать ошибки.

© Окуловский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.Ночь,которой не должно было быть	5
Глава 2.Первая ночь	11
Глава 3.Мир оказался настоящим	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Окуловский

Мир Под Пикселями

Глава 1. Ночь, которой не должно было быть

Сразу к делу: я попал в Terraria. Не «как будто», не «во сне», не «метафорически». По настоящему. С грязью под ногтями, с разбитой губой и с тварью, которая хотела меня сожрать.

Но давайте по порядку, иначе вы решите, что я долбанулся. Хотя, честно говоря, я и сам так думал первые минут двадцать.

Меня зовут Артём. Двадцать четыре, программист, живу один. Биография — закачаешься: работа, чай, который я забываю выпить, и Terraria по ночам. Девушки нет. Кота нет. Все растения я угробил. Зато умею квасить капусту — спасибо бабушке, единственный полезный навык, который, как выяснится дальше, не пригодится мне ни хрена и нигде.

В ту ночь — кажется, вторник, после двух часов дни сливаются в одну вкладку — я достраивал базу. База была уродская. Не «уютная стартовая хижина», а именно уродская: второй этаж шире первого, крыша уехала влево, дверь открывается в яму. Нормальный человек посмотрел бы и лёг спать.

Я не нормальный. Я программист. Мы смотрим на кривую хрень и говорим «потом поправлю». Потом тратим три часа. Потом ломаем то, что работало. Это диагноз, а не профессия.

На плите, кстати, стоял чайник. Обычный, не электрический. Я поставил его час назад и забыл. Запомните этот чайник. Он мне ещё аукнется — не сюжетно, а в том смысле, что я буду о нём думать в самые неподходящие моменты. Мозг — сволочь предсказуемая.

Телефон дзынькнул. Мама: «Ты спишь?»

Написал «да». Стёр. Написал «уже ложусь». Стёр — нагло даже для меня. Написал «скоро», отправил, перевернул телефон экраном вниз. Не вижу — значит, совесть чиста. Это не вранье, это управление информационным потоком.

— Последняя ночь, — сказал я экрану. — Отстреляю зомби и спать.

Наступила пиксельная ночь. Зомби поплелись к двери — вяло, без души, как айтишники на корпоратив в понедельник. Я полез на крышу с луком. И тут звёзды начали падать неправильно.

Сначала одна. Потом три. Потом столько, что небо стало похоже на разбитый монитор — белые линии, ровные, вертикальные, будто кто-то не рисовал звездопад, а чертил мир по линейке.

Музыка не стихла. Она пропала. Как звук в наушниках, когда выдёргиваешь джек.

— Так, только не краш, — сказал я. — Я крышу не сохранил, сука.

Esc не работал. Alt+Tab — мимо. Курсор сдох. Лес на секунду рассыпался зелёными квадратами битой текстуры и собрался обратно. Поверх всего проступил текст. Белый, без рамки, прямо в воздухе экрана:

МИР НЕ УСПЕЛ ПРОСНУТЬСЯ.

— Это ещё что за мод, — пробормотал я.

ПЕРВЫЙ РАССВЕТ ОТМЕНЁН.

Мне стало неприятно. Не страшно — для страха было рано. Сначала всегда раздражение, как при синем экране смерти, когда первая мысль не «что сломалось», а «я же не сохранился, тварь».

Я потянулся к кнопке питания.

Монитор полыхнул белым.

И комната не погасла — она исчезла. Стол, кружка, чёртов чайник на плите, окно, я сам в кресле — всё схлопнулось разом, как будто кто-то закрыл не игру, а мою квартиру целиком, без подтверждения «вы уверены?».

Последнее, что успел подумать: я даже не дописал маме нормальный ответ.

Потом пол ушёл из-под жопы.

Приземлился я отвратительно. Плечом — во что-то мокрое, боком — на корень, подбородком — в землю. Хапнул ртом грязи, закашлялся так, что в глазах потемнело, перекатился на спину. Воздуха не было. Я хватал его ртом, как вытщенная рыба, и пару секунд всерьёз думал, что сейчас сдохну вот так — не от монстра, а от того, что забыл, как дышать.

Потом продышался. И заорал. Без слов, просто заорал в это слишком звёздное небо, потому что больше ничего в голову не лезло.

— Что. Что это. Что это, блядь, такое, — выдавил я, когда крик кончился. Голос чужой, сорванный.

Я сел рывком. Лес. Со всех сторон лес. Я закрутил головой — нет квартиры, нет стола, нет монитора, нет стен, ни хрена нет. Сердце колотило где-то в горле, руки тряслись так, что я их сжал в кулаки, чтоб не видеть.

— Так, проснись. Проснись, ну. — Я зажмурился, потом распахнул глаза. Лес. Зажмурился сильнее, до искр. Лес. — Да проснись же ты, тварь, — прошипел я и хлопнул себя по щеке. Ладонью. От души. Щёку обожгло, лес остался на месте.

Не помогло. Конечно, не помогло.

Я пощупал подбородок — содрана кожа, кровь, вкус во рту железный, конкретный. Ветка в ухе, под лопаткой что-то острое, запах сырой земли и прелых листьев лезет в нос. Слишком детально. Во сне так не бывает. Во сне тебя не выдёргивает из-под задницы пол с таким вкусом, во сне не болит так точно и так скучно.

И от этой мысли — что не сон, что всерьёз — меня и накрыло по-настоящему.

— Нет-нет-нет, — я вскочил, и тут же повело, колени ватные. — Это кома. Я в коме. Я заигрался, у меня тромб, инсульт в двадцать четыре, я лежу сейчас в своей квартире лицом в стол, и мне всё это снится. Да. Точно. Так.

Стало даже легче — на секунду. На одну. Пока я не осмотрелся внимательно — и не стало хуже.

Деревья стояли слишком ровно. Трава росла одинаковыми кустиками. Земля уходила вниз аккуратными уступами, будто кто-то нарезал склон ножом по линейке. Жёлтые цветочки — одной высоты. Я знал этот лес. Я провёл в нём часов триста. Только раньше он был набором пикселей за стеклом — а теперь я в нём стоял, и он был вокруг, и пах землёй.

— Нет. Нет, нет. — Я попятился, споткнулся, чуть не упал. — Это не оно. Это не Terraria, так не бывает, в игру нельзя попасть, это не...

Дыхание сорвалось совсем. Я согнулся, упёрся ладонями в колени и дышал, как загнанный, и в голове билось одно: куда. Куда я попал. Как отсюда выбраться. Где выход, где кнопка, где хоть что-нибудь.

Кнопки не было. В этом-то и был весь ужас. Из мира, где всё откатывается, сохраняется и закрывается крестиком, меня вышвырнуло туда, где ни крестика, ни «вы уверены?», ни хрена.

Не знаю, сколько я так простоял. Минуту, три. Трясло, мутило, в висках стучало. А потом — не потому что я «взял себя в руки» красиво и по-геройски, а потому что орать в пустом лесу можно ровно до тех пор, пока тебя не услышит что-то голодное, — я просто понял, что от паники толку ноль. Сдохнуть от страха или сдохнуть от слизня — разница только в том, дёрнусь я перед смертью или нет.

— Ладно, — сказал я вслух, сам себе не веря. Голос дрожал. — Ладно. Допустим. Допустим, я ни хрена не понимаю, что происходит. Но стоять и трястись — точно сдохну. А этого я не хочу.

Птицы от моего голоса вспорхнули и улетели. Молодцы. Я бы тоже от себя сейчас улетел.

Я заставил себя выпрямиться. Руки всё ещё ходили ходуном, но уже меньше. Договор с собой простой: сейчас выживаю, потом схожу с ума спокойно и в безопасности. Желательно с кем-нибудь, кто объяснит, какого хера тут вообще творится.

В траве у ноги что-то чернело. Я нагнулся. Моя компьютерная мышь — чёрная, проводная, с облезшей резинкой под большим пальцем. Провод уходил в землю и обрывался через полметра, ровно, как ножницами.

Я поднял её. Колёсико крутится. Пластик тёплый. Из всей моей жизни — квартиры, работы, накоплений, всего — со мной телепортировалась мышь за восемьсот рублей.

— Серьёзно? — спросил я у неба. — Из всего? Мышь? Спасибо. Очень, сука, практично.

И только тогда, когда я разогнулся с мышью в руке, в правом нижнем углу зрения мигнуло.

Полупрозрачная рамка. Четыре пустые ячейки. Рядом — тонкая зелёная полоска. Полная.

Я дёрнулся, чуть не выронил мышь. Моргнул. Не ушла. Моргнул сильнее, потёр глаза кулаком — рамка нагло мигнула в ответ, прямо поверх кулака.

— Этого мне ещё не хватало, — сказал я. — Я ещё и вижу интерфейс. Прекрасно. Просто прекрасно.

И всё-таки — почти против воли, рукой, которая ещё не до конца перестала трястись, — я мысленно потянулся к рамке. Как к открытой вкладке где-то на краю сознания. Она послушно развернулась: сетка ячеек, слоты под броню, строка крафта. Инвентарь. Реальный, прозрачный, висит перед лицом и ждёт. Как в игре. Только это не игра.

От того, что он сработал, легче не стало. Стало, если честно, только страшнее.

Где-то справа влажно чавкнуло.

Я повернулся.

Между деревьями подпрыгивало синее. Полупрозрачное, с пузырьками воздуха внутри и каким-то мусором, который не хотелось разглядывать. Размером с тумбочку. Расплющивалось о землю, собиралось, прыгало снова. Ближе.

Синий слизень.

В игре они были фоновой мелочью. Пара ударов, подобрал гель, пошёл дальше, даже не глядя — я и не думал про них никогда.

Деревянного меча у меня не было. У меня вообще ни хрена не было. Мышь за поясом, разбитая губа и полоска здоровья в углу — сейчас она выглядела максимально издевательски полной.

— Ты же мирный, да? — спросил я ласково.

Слизень прыгнул.

— Ну конечно. Зачем я вообще спрашивал.

Я метнулся вбок — не успел. Он шлёпнулся мне на голень всем весом. Кожу обожгло, как кипятком с кислотой пополам. Полоска здоровья дёрнулась и укоротилась.

— ДА ТЫ ОХРЕНЕЛ, — донёс я до него своё мнение.

В игре эта тварь снимала семь НР. Семь. Цифра. Сейчас от одного касания на голени вздулась полоса ожога, а в голове крутилось идиотское: разрабы, видимо, что-то упростили в релизной сборке.

Слизень разворачивался для следующего захода. Я схватил с земли ветку — кривую, сырую, с обломанным концом. Глянул на неё. Глянул на слизня. Пародия на оружие против пародии на монстра. Подходим друг другу.

Прыжок. Я ткнул веткой — она вошла в синюю массу и застряла. Слизень шлёпнулся, ветка осталась в нём торчать. Я не удержал равновесие, поехал вниз по склону, собирая задницей коряги, шишки и остатки самоуважения, и впечатался в ствол.

Сверху чавкнуло. Ветка всё ещё торчала из слизи, как флаг на покорённой вершине.

— Так и задумано, — сообщил я никому.

Нашёл сук потолще, нормальный, на две руки. Встал. Дождался, пока тварь приземлится, и врезал сбоку. Слизень отлетел к дереву, поверхность пошла рябью. Жив. Полоски здоровья над ним нет — очень, сука, неудобно, когда не видишь, сколько осталось добивать.

Удар. Ещё. Тварь снова в воздухе — я отступил, дал ей коснуться земли, добавил. И вот в этот самый момент — слизень в полуметре, я с палкой наперевес — мозг услужливо подкинул: а чайник-то на плите. Газовый. Если там сейчас пожар, соседи снизу мне это и в гробу припомнят.

— ЗАНЯТ! — рявкнул я непонятно кому.

Четвёртый удар — палка треснула. Пятый — слизень растёкся по траве лужей и больше не собрался.

Я стоял над ним, дышал, держал обломок палки. Голень горела. Во рту — кровь и земля. И вот что скажу: первое убийство в фэнтези-мире — это не пафос и не «теперь я воин». Это отвращение, одышка и мысль «фу, чем оно воняло».

В луже блеснуло. Рамка инвентаря ожила сама — кусок синего геля и медная монетка исчезли из травы и проявились в ячейках. Беззвучно. Автоматически. Как в игре.

Компьютерная мышь | Урон: 0 | Тип: хлам

«Устройство из иного мира. Ни в одном рецепте не значится. Не имеет применения.»

Синий гель | Тип: материал

«Горючая субстанция, добываемая из слизней. Используется для факелов и зелий.»

Я посмотрел на ожог. На инвентарь. На лес.

Это был тот самый момент, когда мозг либо принимает реальность, либо красиво уходит в отказ. Мой поколебался секунды три и решил: ладно, принимаю — но с условием, что потом кто-нибудь мне всё это объяснит. Желательно с диаграммами.

На всякий случай я ткнулся мыслью в строку крафта. Гель плюс монетка — пусто. Логично: из соплей и мелочи даже эта система ничего не слепит. Я попробовал «выбросить» мышь — рамка коротко мигнула красным, будто оскорбилась за саму идею. Ладно. Не выбирается. Привязана ко мне намертво, как и положено единственному артефакту из прошлой жизни.

— Хоть ты меня не бросишь, — сказал я мыши и тут же поймал себя на том, что разговариваю с периферией. Лес определённо шёл мне на пользу.

Объяснений не было. Было солнце, которое очень целеустремлённо ползло к горизонту.

Небо желтело. В Terraia день длится десять минут. Раньше это была цифра. Сейчас — время до зомби, и тратить его на философию я не мог себе позволить.

Я нашёл тонкий ствол и начал долбить его камнем. Гениальный план. Минут за десять выдолбил в коре вмятину глубиной в палец, ладони стёр в кровь, дерева в инвентаре прибавилось ровно ноль.

— Твоя взяла, — сказал я дереву. — Признаю поражение официально.

— Камнем не выйдет, — сказал кто-то справа.

Я подпрыгнул, чуть не уронил бульжник себе на ногу — вот была бы смерть, погибнуть в фэнтези-мире от собственного камня, — и обернулся.

Между деревьями стоял человек. Лет тридцать пять. Тёмные волосы, борода, куртка из грубой ткани, сумка через плечо. В руке лук — тетива опущена, но держит привычно, не напоказ.

Смотрел он не на мои босые ноги, не на разбитую губу и не на ожог. Он смотрел на компьютерную мышь у меня за поясом.

— Это оружие? — спросил он.

— Нет.

— Тогда зачем носишь?

— Отличный вопрос. Сам хотел бы знать.

Мы помолчали. Где-то в лесу чавкнул ещё один слизень. Я дёрнулся. Мужик — нет.

— Ты не местный, — сказал он.

— Заметно?

Он окинул взглядом мои ноги, мышь, обломок палки, ожог.

— Местные не дерутся палкой. И не рубят деревья камнем. И не разговаривают с деревьями.

— Я с ним по делу.

— Ага, — сказал он, и в этом «ага» было ровно столько веры, сколько у меня самого в обещание «скоро лягу».

Он подошёл, поднял мой обломок палки, повертел в руках, понюхал. Поморщился.

— Слизнем воняет, — сказал он. — Ты его этим?

— Частично. Вторую половину я уронил в него с обрыва. Вместе с собой.

Майкл молча вернул мне палку. По лицу ничего не пробежало, но я готов был поспорить на единственную медную монетку, что внутри он меня уже похоронил и прикидывал, сколько провозится со вторыми похоронами — ночными.

Небо оранжевело. Время утекало.

— Как тебя зовут? — спросил я прямо.

— Майкл.

И вот тут щёлкнуло. Тихо, но чётко — как вспоминаешь слово, висевшее на языке. Проводник. Guide. В игре он вечно торчит у точки спавна, объясняет новичку, что из чего крафтить, и стоит как мебель, пока его случайно не сольют в Ад ради события.

Я очень понадеялся, что про Ад он не в курсе.

— Артём, — сказал я.

— Странное имя.

— На себя посмотри.

Он чуть качнул головой — то ли согласился, то ли «некогда болтать».

— До темноты меньше часа. Нет стен и двери — поговорим потом. Если будет кому.

— Ночью ползут зомби, — сказал я. — А может, и демонические глаза.

Он посмотрел на меня иначе. Не удивлённо — внимательно. Как человек, которому подкинули важную и очень неприятную информацию.

— Откуда ты знаешь про глаза?

— Долго рассказывать.

— Тогда потом. — Он снял с пояса короткий топор и кинул мне. — Руби тонкие стволы.

Нужны стены в рост. Дверь — на мне.

Я поймал топор обеими руками, чуть не уронил, справился.

— Ты ведёшь себя так, будто меня ждал, — сказал я.

Майкл не ответил. Подошёл к деревьям и начал работать — быстро, точно, без единого лишнего движения.

— Значит, ждал, — сказал я ему в спину.

Опять не ответил. Я начинал подозревать, что разговаривать его будет сложнее, чем выжить.

Я взялся за топор как следует. Первый удар вышел кривым — лезвие соскользнуло, отдача прошла в плечо. Второй лучше. Третий — нормально, с тем живым деревянным «чвок», от которого в инвентаре тихо капнуло дерево. Капля. Одна. Таким темпом до дома мне рубить года полтора.

И тут с запада пришёл звук.

Не вой. Не рёв. Что-то ниже — такое низкое, что отдаётся не в ушах, а в грудной клетке и где-то в коленях. Один длинный выдох из пустоты. И тишина.

Майкл поднял голову. Первый раз за весь разговор.

Лицо у него не дрогнуло. Но он замер на полсекунды — а человек, который вкалывает молча и ровно, просто так не замирает.

— Руби, — сказал он.

Без объяснений. Одно слово, а в нём — срок.

Я рубил и не оглядывался. На опушке, шагах в пятидесяти, проявилась фигура. Шла, заваливаясь набок, медленно. За ней вторая. Третья.

В игре ночь — это таймер. Потерпи минут девять, нажми «ждать до утра», и всё. Я знал это наизусть и ни разу — ни единого раза — не задумывался, что значит «потерпеть».

А значит оно вот что: ты стоишь босиком в темнеющем лесу, в тридцати метрах что-то шаркает по траве, у тебя нет стен, двери и огня, в руках топор, который ты впервые в жизни взял десять минут назад, а за спиной — мужик с луком, которому ты почему-то уже доверяешь больше, чем себе.

Сзади свистнула тетива. Раз. Второй. На опушке что-то шлёпнулось.

— Хватит дерева, — бросил Майкл. — Строим.

Он уже ставил стены — вгонял доски, бил по углам, подгонял быстро и без брака. Я пытался помогать. Получалось медленнее и кривее, но стена росла. В инвентаре убывало дерево. Где-то в темноте шаркало — ближе, чем пять минут назад.

Я старался не считать, сколько их там. Полезная привычка с работы: не смотри на весь баг-трекер разом, иначе руки опустятся. Делай по одному. Руби. Ставь. Не оглядывайся.

Небо стало чёрным. Из леса шаркало. С неба что-то хлопало крыльями.

Итого за первый вечер в Terraia: одиндохлый слизень, один ожог, ноль обуви, одна медная монета, кусок геля и компьютерная мышь за поясом. Стартовый капитал героя. Я бы посмеялся, но сбивалось дыхание.

Начиналась первая ночь.

И где-то на западе, в темноте, снова тихо выдохнуло что-то очень большое. Что-то, чего по всем правилам этого мира тут быть не должно. Не в первую ночь. Не так рано.

Майкл это слышал. Я понял по тому, как он на миг сжал челюсть и тут же продолжил работать — будто узнал плохую новость и решил пока поддержать её при себе.

Я загнал последнюю доску в стену, отбил себе палец, тихо и от души выматерился — впервые за вечер с настоящим чувством — и подумал: ладно. Разберёмся.

Если доживём до утра.

Глава 2. Первая ночь

Стена встала. Не «дом», не «база» — четыре кривых дощатых щита по грудь высотой, дверь, которую Майкл навесил так быстро, что я не успел понять, как он это сделал руками без петель и гвоздей, и дыра в углу, куда я не дотянул досок. Вот и всё моё убежище в первую ночь в мире, где всё по-настоящему.

Я стоял внутри, держал чужой топор обеими руками и смотрел в щель между досками. За щелью был лес. Чёрный. И в этом чёрном что-то шаркало.

— Дыра, — сказал Майкл, не оборачиваясь. Он стоял у двери с натянутым луком, спокойный, как будто ждал автобус. — В углу. Заделай.

— Нечем, — сказал я. — Дерево кончилось.

— Плохо.

— Спасибо. Очень помог.

Шарканье стало ближе. Я знал этот звук — точнее, думал, что знаю. В игре зомби тупо бьются в дверь, пока не рассветёт. Фон, на который не обращаешь внимания, — стоят себе за стеной и стоят. Сейчас по ту сторону тонких досок что-то волочило ноги по траве, и от каждого шага у меня внутри что-то подбиралось.

В щель сунулось лицо.

Я отшатнулся и чуть не сел на задницу. Это было лицо. Серое, с провалившейся щекой, с глазами как мутное стекло, но — лицо. С носом, со ртом, который когда-то что-то говорил. Оно ткнулось в доску, надавило, доска скрипнула, и тварь зарычала — низко, мокро, без злости даже, просто потому что я был мясом, а оно было голодным.

— Это... это же человек был, — выдавил я. — Майкл. Это был человек.

— Уже нет, — сказал Майкл.

— Да я понимаю, что нет, но он же...

— Артём.

— Что.

— Бей, или он войдёт.

Доска треснула вдоль. Серые пальцы — без ногтей, с ободранными до кости подушечками — пролезли в щель и вцепились в край. И вот тут вся философия про «это был человек» вылетела из головы со свистом, потому что человек не лезет к тебе через стену, чтобы сожрать.

Я ударил топором по пальцам. Чавкнуло. Пальцы отвалились, тварь даже не дёрнулась — ей было всё равно, она перехватилась локтем. Я ударил ещё, по голове, наискось. Лезвие вошло и застряло. Тварь обмякла, повисла на досках, потянула стену вниз своим весом, и я тянул топор обратно, упёршись ногой в стену, и думал — отчётливо, ясно, не вовремя — что зубная щётка осталась дома в стакане и что я теперь, видимо, никогда в жизни не почищу зубы.

Топор вышел. Тварь сползла. Я стоял, дышал, держал лезвие в чём-то, что не хотел разглядывать.

— Сзади, — сказал Майкл.

Я развернулся. У дыры в углу собирались ещё двое. Один уже занёс ногу через низкий край.

— Дерево, мне нужно дерево, — забормотал я, отступая. — Майкл, чем я заделаю дыру, у меня ни хрена нет.

— У тебя есть руки и топор, — сказал он, выпустил стрелу, и тот, что лез через край, ткнулся лицом в землю. — Сделай меч. Драться топором ты не умеешь.

— Сделать... как сделать?

Он коротко глянул на меня — на тот самый угол, где у меня мигала рамка.
— Ты же видишь её. Сделай.

Я не спрашивал, откуда он знает про рамку. Времени не было. Я ткнулся мыслью в строку крафта — как вчера, когда пробовал слепить хоть что-то из геля и монетки. Тогда было пусто. Сейчас в ячейке лежало дерево, и строка ожила: ряд силуэтов, бледных, полупрозрачных. Меч. Я потянулся к нему, как к иконке на рабочем столе — двойной щелчок, давай уже.

В ладони потяжелело.

Не «появилось красиво с искорками». Просто — секунду назад ладонь была пустой, а теперь в ней лежала рукоять, и я её сжимал. Деревянный меч. Тёплый, будто только из-под рубанка, пахнет смолой и свежим срезом, по плоскости — занозистые волокна. Лёгкий до смешного. Я махнул им — он со свистом разрезал воздух, и свист был несерьёзный, детский.

Деревянный меч | Урон: 7 | Тип: ближний бой

«Выструган из дерева. Слаб, тупится, но всё же лучше голых рук.»

— Это меч, — сказал я тупо. — Я только что сделал меч. Из воздуха.

— Из дерева, — поправил Майкл. — Дыра. Сейчас.

Я повернулся к углу с мечом наперевес — и сразу понял, в чём подвох этого «чита». Скрафтить я могу. Драться этим — нет. Меч лёгкий, баланса я не чувствую, рука помнит мышь и кружку, а не клинок. Первый замах ушёл в молоко, тварь качнулась, я попал по плечу плашмя, без толку. Со второго раза приноровился: коли, не руби. Ткнул в грудь — деревяшка вошла неглубоко, тварь зашипела. Ещё. Ещё. Майкл добил её стрелой через мою голову так близко, что я почувствовал ветер от оперения.

— Не маши. Коли, — бросил он. — И темно. Сделай свет.

Точно. Темно. Я наполовину угадывал, куда бью. Гель в инвентаре, дерево ещё капля — строка крафта услужливо подсветила факел. Я выдернул его из воздуха той же мыслью. В кулаке вспыхнуло — резко, я чуть не выронил. Огонь живой, лижет костяшки жаром, синий гель горит и воняет ровно так, как обещал вчера на моей голени. Свет выхватил из черноты двор: трупы, вытопанную траву, дыру в углу и три новые фигуры, бредущие к ней.

Факел | Тип: источник света

«Палка, дерево и гель слизней. Горит долго, светит ярко, разгоняет тьму.»

— Воткни в стену и работай, — сказал Майкл.

Я ткнул факел между досок. Он держался. Свет встал столбом, и от этого почему-то стало чуть легче дышать — как будто темнота была отдельным врагом, и одного я только что вычеркнул.

Дальше пошёл конвейер. Не геройский, не красивый. Тошнотворный.

Я колол. Майкл стрелял. Дыру в углу мы кое-как заткнули телами — звучит дико, но мёртвая туша держала проход не хуже доски, пока сверху на неё не лезла новая. Я научился не смотреть в лица. Полезный навык, я даже гордился бы им, если бы было чем.

Удар. Ещё. Шаг назад. Коли, не руби. Сверху свистнула стрела. Где-то слева хлопнуло — добились.

А потом сверху на меня упал глаз.

Я серьёзно. С неба, из черноты над факельным светом, спикировало нечто размером с арбуз — один большой глаз, налитый кровью, с обрывками жил вместо тела, хлопающий какими-то перепонками. Демоноглаз. В игре — мелкая безобидная дрянь, на которую и внимания-то не обращаешь. Эта дрянь спикировала мне в лицо, и я успел только вскинуть руку.

Зрачок ткнулся мне в предплечье и — присосался. Холодно и больно, как будто к коже прижали лёд и одновременно дёрнули за каждый волосок. Полоска здоровья в углу прыгнула вниз.

— СНИМИ ЕГО, СНИМИ! — заорал я, мотая рукой. Меч был бесполезен — не рубить же себе предплечье.

Тетива. Глаз лопнул мокрым шлепком в сантиметре от моего носа, окатив лицо чем-то тёплым. Я согнулся, отплёвываясь, тёр глаза локтем.

— Не маши руками, — сказал Майкл ровно, уже целясь в следующего. — Они летят на движение. Стой и коли.

— Меня только что обнял глаз, Майкл! Глаз! Я имею право помахать руками!

Он не ответил. Он вообще, я заметил, не тратил слов, когда работал. Лук в его руках жил отдельной жизнью — натянуть, выпустить, потянуться за стрелой, снова натянуть, ровно, без рывков, без промахов. Я колол свою деревяшку, потел, матерился, мазал через раз — а он просто снимал тварей одну за другой с десяти шагов, и ни одна до него даже не дошла.

И вот тогда — между двумя глазами и одним зомби — в башке у меня щёлкнуло холодное и трезвое: вот оно. Вот разница. Я тут с палкой на полтора метра, а он достаёт на тридцать. Если я хочу дожить дальше первой ночи, мне нужен лук. Не меч. Лук.

Я запомнил эту мысль. Она потом ещё аукнется — но это потом.

Не знаю, сколько это длилось. В игре ночь — девять минут. Эта ночь длилась год. Спина горела, руки тряслись, факел прогорел, я воткнул второй, потом третий — гель уходил, и я ловил себя на жадной мысли «а хватит ли», как будто торговался с темнотой.

В какой-то момент стало реже. Потом — совсем редко. Потом из леса перестали выходить, и остались только те, что мычали и тыкались в стену по инерции, и Майкл снимал их без спешки, по одному.

Я сполз спиной по стене и сел в грязь. Меч выпал из руки сам — пальцы не разжимались, их пришлось отгибать.

— Живой, — сказал Майкл. Не вопрос. Констатация.

— Спорный вопрос, — просипел я. Горло саднило, я, оказывается, всю ночь то орал, то матерился. — У меня глаз отсосал половину руки и полполоски здоровья. Это вообще лечится?

— Со временем. Само.

— Само, — повторил я. — Обожаю этот мир. Болит само, заживает само, объясняется — никогда.

Он сел напротив, у двери, положил лук на колени. Достал из сумки полоску чего-то вяленого, разломил, половину протянул мне. Я взял. Жёсткое, солёное, отдаёт дымом. Самая вкусная еда в моей жизни, если не считать того, что я последние сутки не ел вообще.

Мы жевали и молчали. Факел трещал. Над лесом висела чернота, но уже какая-то усталая, разреженная — будто ночь тоже выдыхалась.

И я спросил. Прямо. Потому что весь вечер держал это в себе, а сейчас сил держать не осталось.

— Тот звук. С запада. Который дважды.

Майкл перестал жевать. На секунду. Потом дожевал.

— Какой звук.

— Не делай так, — сказал я. — Ты его слышал. Ты челюсть сжал. Низкий такой, в груди отдаёт. Что это?

— Ветер бывает странный в этих местах.

— Ветер.

— Бывает.

— Майкл. — Я повернулся к нему. — Я сегодня сделал меч из воздуха, мне в лицо вцепился глаз, и я заткнул дыру в стене трупом. Меня сложно удивить словом «ветер». Ты знаешь, что это было. И не хочешь говорить.

Он смотрел в огонь. Долго. И когда я уже решил, что ответа не будет, сказал — тихо, не мне даже, скорее себе:

— Я хочу, чтобы ты дожил до утра. Утром поговорим. Если до утра — то и говорить незачем будет.

— Это не ответ.

— Это всё, что у меня есть.

И я понял, что давить бесполезно. Не потому что он упёртый. А потому что он не врал — он именно что недоговаривал, выдавал ровно столько, сколько считал нужным, и ни словом больше. Как человек, который знает диагноз, но молчит у постели, пока не уверен. Это бесило сильнее открытого вранья. С враньём хоть понятно, что делать.

— Ладно, — сказал я. — Утром.

— Утром, — кивнул он.

Небо на востоке поплыло из чёрного в грязно-серое. Я смотрел на него и впервые в жизни понимал, за что люди молились рассвету — буквально, всерьёз, как на спасение. В игре я жал «ждать до утра» и шёл по делам. Сейчас я сидел в грязи, считал каждый оттенок неба и был готов расцеловать первый луч.

Оставшиеся твари засуетились. Те, что мычали у стены, вдруг развернулись и побрели прочь — быстрее, чем приходили, не оглядываясь, как тараканы от света. Демоноглаз, что кружил над двором, дёрнулся вверх и растворился в сером — не улетел, а будто выключился. Серое стало розовым. Розовое — золотым.

Взошло солнце.

Я выдохнул так, что закружилась голова. Живой. Целый, если не считать руки, ожога, разбитой губы и того, что вся прошлая жизнь осталась за каким-то выключенным монитором. Но живой.

— Пережил первую, — сказал Майкл, вставая. В голосе впервые мелькнуло что-то живое. Не теплота — но и не лёд. — Большинство не переживает.

— Большинство кого? — сразу зацепился я.

Он не ответил. Опять.

А потом из леса пришёл звук — и я понял, что радовался рано.

Не выдох, как вчера. Рёв. Низкий, длинный, утробный, он шёл из глубины леса с запада, оттуда же, откуда дышало в первую ночь, — но ближе. Заметно ближе. Земля под задницей дрогнула. Факел качнулся. Где-то сорвалась с веток стая птиц и ушла на восток, прочь от звука, вся разом.

Рёв оборвался. И в тишине после него было хуже, чем в самом рёве.

Я смотрел на Майкла. И вот тут его лицо наконец дрогнуло. Не паника — но он смотрел на запад, на верхушки деревьев над тем местом, откуда пришёл звук, и в глазах у него было что-то, чего я раньше не видел. Узнавание. Он знал, что это. И ему это очень, очень не нравилось.

— Майкл, — сказал я. — Утро. Ты обещал.

Он не повернулся.

— Позже, — сказал он. — Сначала оттащи своих мёртвых от стены, пока солнце высоко.

И посмотри под северный угол.

— Что под северным углом?

Он не ответил — он уже шёл к северному углу сам, и я поплёлся за ним, потому что по его спине было ясно: там что-то есть.

Под северным углом, в мягкой ночной грязи, был след.

Огромный. Круглый, оплывший, с гладкими краями — будто на землю опустили и подняли что-то очень тяжёлое и очень студенистое. В середине следа поблёскивала плёнка слизи, ловила утренний свет и переливалась синим. От следа к лесу тянулась дорожка таких же оттисков, всё крупнее, всё глубже, уходящая на запад.

Я присел на корточки. Тронул плёнку пальцем — холодная, тягучая, точь-в-точь как тот слизень, которого я вчера забил палкой. Только тот был размером с тумбочку. А чтобы оставить такой след, тварь должна быть размером с грузовик.

— Это слизень, — сказал я. Голос сел. — Майкл, это слизень размером с дом.

Майкл смотрел на след, на дорожку, уходящую на запад, на молчащий лес. И ничего не говорил.

Я снова, как вчера, тихо и от души выматерился.

Кажется, до «поговорим утром» нам было ещё очень далеко.

Глава 3. Мир оказался настоящим

Солнце взошло, твари ушли, я был жив — и вот именно тут, на свету, под чистым утренним небом, меня и накрыло по-настоящему.

Ночью было некогда. Ночью есть зомби, дыра в стене, факел, который надо воткнуть, — простые задачи, делаешь по одной, не думаешь. А утром задач не осталось. Осталась тишина, мокрая трава, ломота во всём теле и одна-единственная мысль, которую ночь держала за дверь, а теперь она вошла и села рядом: отсюда нет выхода.

Не «я застрял на уровне». Не «надо загрузить сейв». Совсем нет. Нет кнопки. Нет крестика. Нет «вы уверены?». Есть лес, есть я в нём, и это, кажется, навсегда.

Я сидел в грязи у стены и смотрел на свои руки. Ладони стёрты в кровь о топор и доски, под ногтями земля и что-то, что я не хотел опознавать, костяшки разбиты. Руки программиста. Самое тяжёлое, что они поднимали в прошлой жизни, — кружку и иногда совесть.

— Эй, — сказал я вслух, тихо. — А если я тут сдохну — я там, дома, тоже сдохну? Или я там в коме лежу? Или меня там вообще нет уже?

Никто не ответил. Майкл возился у двери, точил что-то, делал вид, что не слышит. Лес шумел. И от того, что на этот простой вопрос ответа не было — вообще, ни от кого, — мне опять стало нехорошо. Не паника, как в первую ночь, на панику уже не было сил. Что-то тише и хуже: ровное, тупое осознание, что я не понимаю даже базовых правил мира, в который попал. Умру тут — и неизвестно, что это вообще значит.

Я загнал эту мысль обратно за дверь. Не потому что справился — просто понял, что если буду её крутить, то так и просижу в грязи до следующей ночи, а следующая ночь меня доест. Потом. Сойду с ума потом, в безопасности. Договор с собой из первой ночи всё ещё действовал.

— Ты обещал, — сказал я Майклу. — Утром поговорим. Утро.

Он не поднял головы.

— Поговорим.

— Сейчас утро.

— Сейчас ты сначала поешь и попьёшь, — сказал он. — Иначе свалишься к обеду, и говорить будет не с кем.

Логично. До отвращения логично. Я хотел спорить просто из принципа, но в животе так подвело, что спор отменился сам собой.

Воды у меня не было. Еды не было. Из всего имущества — деревянный меч, три огрызка факела, кусок геля, одна медная монета и компьютерная мышь, которая по-прежнему не выбрасывалась и не делала ровным счётом ничего.

— С чего начинать? — спросил я.

— С камня, — сказал Майкл. — Деревом ты долго не проживёшь. Нужна кирка. Нужен очаг. Нужен стол, чтобы делать то, что руками в воздухе не сделаешь.

— У меня есть стол, — я ткнул пальцем в угол зрения, где висела рамка. — Вот он.

— Это для простого, — сказал Майкл, и я опять не стал спрашивать, откуда он так уверенно говорит про мою рамку, будто видел её сто раз. — Меч, факел — да. Кирку получше, стрелы — нет. Нужен верстак. Стол из дерева. Тогда строка покажет больше.

И это, кстати, сходилось с тем, что я смутно помнил: в игре стоишь рядом с верстаком — открываются новые рецепты, отошёл — пропали. Я просто никогда не думал об этом как о чём-то, что надо тащить, строгать и ставить руками. В игре он просто был.

Камень я добывал так. Нашёл выход серой породы из склона, взял булыжник побольше и принялся колотить. Полчаса. Серьёзно, полчаса — солнце заметно сдвинулось. Отбил себе оба

больших пальца, рассадил ладонь, наматерился на три тома, и в инвентаре наконец звякнуло: камень. Несколько кусков.

В игре это один клик. Один. Левая кнопка, держишь, блок выпал, пошёл дальше. Я кликал этой левой кнопкой тысячи раз и ни разу — ни единого — не подумал, что за каждым «кликом» стоит вот это: пот, отбитые пальцы и получасовое унижение перед куском скалы.

Зато когда камня хватило, строка крафта мигнула, и я выдернул из воздуха кирку. Тяжёлую, холодную, с корявой деревянной рукоятью и серым каменным клювом. Махнул ею по той же скале — и порода поддалась куда легче, чем булыжнику. Я даже хмыкнул. Маленькая, тупая, но победа.

Каменная кирка | Урон: 6 | Тип: инструмент

«Камень на деревянной рукояти. Грызёт мягкую породу, до руды дотягивается с трудом.»

— Вот, — сказал я, показывая Майклу кирку, как ребёнок поделку. — Сам сделал.

— Из воздуха, — сказал он.

— Из камня.

Он почти улыбнулся. Почти — уголок рта дёрнулся и тут же вернулся на место. Но я заметил. Записал себе: его, оказывается, можно расшевелить. Долго и нудно, но можно.

Верстак рамка собрала сама. Я нарубил досок — теперь хоть умел держать топор, — ткнулся мыслью в строку, и в воздухе материализовался стол: ровный, крепкий, с гладкой столешницей, какого я бы руками не сколотил и за неделю. В прошлой жизни я мебель покупал в плоских коробках и собирал по картинкам, теряя один винт обязательно; тут картинок не было, был только этот читерский интерфейс, который выдавал готовое.

Вот его, готовый, я и потащил руками к стене. И это, как выяснилось, рамку не волновало вообще — сколотить она сколотит, а вот таскать, ставить и подпирать, чтоб не качалось, изволь сам. Стол был тяжелее, чем выглядел, я ободрал о него локоть, пару раз чуть не уронил себе на ногу и в итоге впихнул в угол, подровняв камнем под одну ножку. Уродски стоял, но стоял.

И вот тут рамка отозвалась. Стоило встать рядом с верстаком — строка крафта дрогнула и развернулась шире. Новые силуэты. Бледные, ждущие. Я повёл по ним мыслью, как курсором, — и вот оно.

Лук.

Кривой деревянный силуэт. Тот самый, о котором я думал всю первую ночь, пока Майкл снимал тварей с тридцати шагов, а я тыкал палкой на полтора метра. Дерево у меня было. Я потянулся к силуэту — и в ладони легла дуга.

Деревянный лук | Урон: 4 | Тип: дальний бой

«Гнутая ветка и жила. Бьёт слабо и недалеко, но достаёт дальше любой палки.»

Урон четыре. Четыре. У меча было семь. На бумаге — даунгрейд, и в игре я бы посмеялся и выкинул эту деревяшку. Но я уже знал то, чего не знал игрок: дело не в цифре урона. Дело в том, что эти четыре я могу донести туда, куда мечом не дотянусь никогда. Лучше укусить врага слабо издалека, чем мощно — когда он уже жуёт твою ногу.

Стрелы строка тоже показала — простые, деревянные, тупые. Я наделал десяток. Натянул тетиву — туго, дуга упиралась, плечо заныло. Прицелился в дерево шагах в пятнадцати. Выдохнул, как в кино.

Отпустил.

Стрела ушла куда-то влево и вверх, чиркнула по ветке совсем другого дерева и канула в кусты. Тетива на отскоке хлестнула меня по предплечью так, что я зашипел и выронил лук.

— Сука, — сказал я, тряся рукой. — Он меня бьёт. Моё собственное оружие меня бьёт.

— Локоть, — сказал Майкл, не оборачиваясь. — Убери локоть с дороги тетивы. И не дёргай. Отпускай.

Я попробовал ещё. Мимо. Ещё. Мимо, но ближе. На пятой стреле я попал в дерево — не в то, в которое целился, в соседнее, но всё-таки в дерево, и был этому до неприличия рад. Майкл смотрел на мои мучения с лицом человека, который видел много плохих лучников, но такого — впервые.

— Дай угадаю, — сказал я, потирая отбитое предплечье. — «Обычно всё идёт иначе».

Он на секунду застыл. Ровно на секунду — но я уже научился ловить эти его секунды.

— Что ты сказал? — спросил он.

— «Обычно всё идёт иначе». Ты это вчера обронил. Про слизня. И сейчас у тебя было такое лицо. — Я опустил лук. — Так как обычно идёт, Майкл? И почему сейчас — не как обычно?

Он молчал. Долго. Точил свой нож, хотя точить там было уже нечего.

— Обычно, — сказал он наконец, — у того, кто приходит, как ты, есть время. Несколько спокойных дней. Слабые твари. Тихие ночи. Чтобы встать на ноги. — Он поднял на меня глаза. — У тебя в первую же ночь был полный двор и демоноглазы. И то, что дышит на западе. Этого в начале не бывает. Никогда.

— То есть мир сломан, — сказал я тихо.

— Я этого не говорил.

— Ты это сказал всем, кроме слов.

Он не ответил. Опять. Но в этот раз молчание было другое — не «отстань», а «я сам не знаю, и это пугает меня больше, чем тебя». И вот это, честно, было хуже любого рёва с запада. Когда человек, который тут как рыба в воде, смотрит на происходящее и не понимает его, — тогда совсем плохо.

Голод к полудню стал невыносимым. В животе уже не урчало — там сводило, мутило, перед глазами плыло. Я понял, что сейчас или поем, или лягу. Майкл свой вяленый паёк не предлагал — берёт, и правильно делал. Значит, добывать самому.

Печь рамка тоже выдала готовой — камень у меня был, строка показала силуэт, я ткнулся, и в руках оказалась тёплая каменная топка с готовым очагом. Скрафтить-то она крафтит что угодно. А вот дальше — снова сам: оттащить, поставить ровно, развести огонь от факела. Я начинал понимать правило этого мира. Рамка собирает предметы из воздуха, как по щелчку, — стол, кирку, печь, что хочешь. Но как только дело доходит до «сделать что-то руками» — таскать, ставить, бить киркой, ловить, жарить, — она умывается. Удобный, сволочь, инструмент: даёт инвентарь и крафт, а пот, мозоли и подгоревшую рыбу оставляет мне.

Потому что — да, рыбу. И вот тут я встал перед главным вопросом выживания: печь есть, огонь есть, а что я, собственно, буду на ней готовить. Рецепта «сытный обед» в строке крафта почему-то не значилось.

В сумке — ничего. В лесу — ягоды на кусте (я их пожевал, не отравился, уже хлеб), пара грибов, которые я трогать побоялся, и рыба в ручье. Рыбу я попытался поймать руками. Не буду описывать. Скажу только, что ручей оказался холоднее, чем я думал, дно — скользче, а рыба — умнее меня. Минут двадцать я изображал цаплю с инсультом, вымок до пояса и поймал в итоге одну — мелкую, злую, она цапнула меня за палец на прощание.

И вот тут всплыла бабушка. Та самая квашеная капуста — единственный кулинарный навык, которым я хвастался в начале и который, как я честно предупреждал, не пригодится мне ни хрена и нигде. Капусты не было. Соли не было. Был я, рыба, огонь и непоколебимая

уверенность городского человека, что уж пожарить-то рыбу — дело нехитрое. Не диплом же защищать.

Оказалось — хуже диплома.

Я насадил рыбу на прутик — прутик прогорел, рыба упала в угли. Достал, обтёр о штанину (которая чище не была), насадил на новый прутик подальше от огня — рыба не жарилась вообще, висела и капала. Сунул ближе — обуглилась с одного бока, сырая с другого. К моменту, когда я решил, что «ну, наверное, готова», снаружи это был уголь, внутри — холодная слизь, и пахло одновременно гарью и тиной.

Я откусил. Из принципа. Я двадцать минут ловил эту тварь, я заслужил.

Зря.

— ...нормально, — выдавил я, пытаюсь не выплюнуть. Глаза слезились. — Съедобно.

Майкл смотрел на меня молча. Потом перевёл взгляд на обугленно-сырое нечто в моей руке. Потом обратно на меня.

— Ты говорил, что умеешь готовить, — сказал он.

— Я говорил, что умею квасить капусту. Это другое.

— Вижу, — сказал Майкл. И — я готов поклясться — в уголке рта у него опять дёрнулось. — Дай сюда.

Он забрал у меня вторую рыбу, выпотрошил её одним движением ножа, насадил вдоль, не поперёк, поставил с краю углей, не в огонь, и оставил. Просто оставил. Не тыкал, не вертел, не паниковал. Через несколько минут от неё пошёл запах — настоящий, нормальный запах еды, от которого у меня свело челюсти. Он разломил её и протянул мне половину.

Это была лучшая рыба в моей жизни. И не потому что я сутки не ел. А потому что её сделал человек, который знает, что делает, — а я в этом мире пока не знал ничего.

— Спасибо, — сказал я с набитым ртом.

— Учись, — сказал он. — Меня не всегда будет рядом.

И сказал он это просто, между делом, но фраза почему-то повисла в воздухе дольше, чем следовало.

Воду я всё-таки пошёл набрать — нормально, не по-цаплиному. Майкл показал, где ручей чище, выше по течению, и остался у дома. Я взял свою корявую посудину (миску из обожжённой глины, ещё один шедевр) и пошёл вдоль воды.

Метров через сто я и нашёл его.

Лагерь.

Не свежий — старый, заросший. Но человеческий, ни с чем не спутаешь. Кострище, заплывшее землёй и травой, с обугленными камнями по кругу — кто-то выкладывал их так же, как я полчаса назад. Рядом — навес, точнее то, что от него осталось: четыре кривых столбика и сгнившая тряпка поверху, провисшая до земли. Деревяшки потемнели, поросли мхом. Этому месту были не дни. Месяцы. Может, годы.

Я подошёл медленно. Не знаю почему — ноги сами замедлились.

У кострища валялся инструмент. Кирка — железная, не чета моей каменной. Я потянулся к ней жадно, как идиот: вот оно, готовое железо. Поднял — и она развалилась прямо в руке. Рукоять сгнила в труху, головка проржавела насквозь, рыжая чешуя осыпалась мне на ладонь. Ни рубить, ни даже на металл разобрать — ничего. Просто рыжая память о чём-то, что когда-то было хорошей киркой. Рядом — миска вроде моей, треснутая. Истлевший лоскут, который когда-то был курткой или одеялом. Кто-то тут жил. Не прятался ночь — жил, обустроивался, готовил еду на этом кострище, пил эту воду, так же стирал руки о камень и матерился на рыбу.

А потом перестал.

Я обошёл навес. С обратной стороны, в траве, полузакопанный временем, лежал лук. Деревянный, как мой, только не новый — старый, тетива давно лопнула и свисала гнилой

нитью, дерево повело. Рядом — стрелы, штук пять, рассыпанные веером, будто их выронили разом. Будто человек схватился за лук, потянулся к стрелам — и не успел.

Я стоял над этим и не двигался. И впервые с момента попадания думал не о себе.

Кто это был. Такой же, как я? Свалился сюда из своего вторника, со своим чайником на плите, со своей мышью за восемьсот рублей? Тоже видел рамку в углу зрения? Тоже учился держать топор, жёг рыбу, радовался первой кривой кирке? Обустроился, выжил первую ночь, вторую, может, десятую — а потом пришла та, которую он не пережил. И никто не нажал «загрузить». Потому что кнопки нет. Я это уже знал. Теперь я это видел.

Миску я набрать забыл.

Когда я вернулся, Майкл глянул на меня — и сразу всё понял. По лицу.

— Нашёл лагерь, — сказал он. Не спросил.

— Ты знал.

— Знал.

— Кто это был?

Майкл посмотрел в сторону ручья, туда, откуда я пришёл. Долго.

— Такой же, как ты, — сказал он наконец. И это было ровно то, чего я боялся услышать.

— Что с ним стало?

— А ты как думаешь.

Я сел. Ноги не держали. Не от усталости уже — от другого. Весь день я обживался, строил, жёг рыбу, почти даже привык к мысли «ну ладно, выживу, разберусь». А этот лагерь у ручья тихо, без всякого рёва и без всякого монстра, сообщил мне простую вещь: до меня тут уже был кто-то. Такой же. И он старался. И он не справился.

— Сколько их было? — спросил я. — До меня. Таких.

Майкл не ответил. Подбросил веток в огонь, сел напротив, и в свете пламени его лицо было закрытым, как ставни.

— Майкл. Сколько?

— Достаточно, — сказал он, — чтобы я перестал спрашивать, как их зовут, прежде чем пойму, доживут ли они до второй недели.

Он сказал это ровно, без жестокости — устало. И от этой усталости в его голосе мне стало холоднее, чем от любого студенистого следа на западе.

Я смотрел в огонь и впервые за весь этот безумный день не язвил, не острил и не думал про чайник. Думал про того, у ручья. Про лопнувшую тетиву и веер стрел, которые он не успел поднять.

И тихо пообещал себе, без всякого пафоса, просто как факт: я свои подниму вовремя.

Солнце снова ползло к западу. Туда, где что-то дышало.

Где-то впереди была вторая ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.